

С.Г. Колтухов

«ЗОЛОТОЙ» СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ КУРГАН

В наши дни, в связи с удревнением времени основания Херсонеса, а также исследованиями ранних горизонтов Керкинитиды, большую роль начинает играть вопрос о варварском окружении древних греческих апойкий в Западном Крыму, этно-культурных особенностей местного населения и его социальной стратификации. В этой связи слабо изученный «скифский» аспект представляется все более значимым.

С конца прошлого столетия в круг основных археологических памятников европейской Скифии было введено впускное погребение из Золотого кургана, раскопанного под Симферополем в 1890 г.¹. Впервые в широком историко-археологическом контексте его рассмотрел М.И. Ростовцев, поставив на первое место в подгруппе крымских курганов и проведя хронологические параллели с Нимфейскими, старшими Семибратними курганами и Острой Томаковской могилей². В дальнейшем, памятник коротко характеризовали в перечне наиболее ярких погребальных объектов степной Скифии³ в соответствии с интерпретацией, предложенной М.И. Ростовцевым. Пожалуй, единственным смещением акцента было краткое, но чрезвычайно емкое определение, данное В.А. Ильинской и А.И. Тереножкиным: «По характеру инвентаря Золотой курган особенно близок к Острой Могиле у с. Томаковки. Оба памятника занимают выдающееся место среди курганов степной скифской знати раннего периода»⁴. В последние годы, для обоснования гипотезы о глубоком изменении материальной культуры Степной Скифии на рубеже архаического и классического периодов⁵, А.Ю. Алексеевым была предпринята достаточно обоснованная ревизия хронологии группы степных и лесостепных погребальных памятников конца VI-V вв. до н.э.⁶

К числу наиболее репрезентативных памятников этого времени отнесено погребение в Золотом кургане под Симферополем, раскопанное в 1890 г. Однако сам памятник и его вещевой комплекс (помимо двух, наиболее ярких предметов) так и не был рассмотрен⁷. Безусловно, основной причиной являлась хронографическая направленность работы, вполне отвечающая особенностям стиля исследователя - использованию наиболее ярких хроноиндикаторов.

Не менее существенно и то, что скиф-

ское погребение из Золотого кургана никогда и нигде обстоятельно не публиковалось, хотя среди многочисленных описаний этого объекта известно по меньшей мере пять, содержащих дополнительную информацию по отношению к отчету, опубликованному в ОАК за 1890 г., и рукописному отчету Н.И. Веселовского⁸.

В настоящее время автору представляется возможным свести воедино все доступные сведения для археолого-историографической характеристики памятника⁹.

В первую очередь, следует прояснить вопрос о полноте и достоверности отчетных материалов. Раскопки были начаты 4 июня 1890 г. под общим руководством Н.И. Веселовского¹⁰. Полевые работы производили члены Таврической ученой архивной комиссии ее председатель А.Х. Стевен, хранитель музея древностей А.О. Кашпар; в исследованиях участвовал Арс.И. Маркевич. Есть все основания думать, что графики к последовавшей вскоре публикации курганов, предпринятой А.Х. Стевеном, выполнена А.О. Кашпаром, преподававшим рисование в Симферопольской гимназии (рис. 2-4). Н.И. Веселовский осуществлял лишь общий контроль, вполне доверяя компетентности своих помощников, имевших некоторые навыки археологических разысканий. Расчистка скифского погребения была проведена 13 июля А.Х. Стевеном в присутствии А.О. Кашпара. Н.И. Веселовский в это время исследовал большой курган в Шульговке Мелитопольского уезда Таврической губернии, однако 15 июля (очевидно, сразу же после сообщения об открытии) уже был в Симферополе¹¹. Возникает вопрос: видел ли Николай Иванович Веселовский скифское захоронение до его разборки? Не имея определенного ответа, мы обязаны самым серьезным образом учитывать не только описание захоронения в Отчете археологической комиссии и описание могилы, составленное М.И. Ростовцевым на основе рукописного отчета Н.И. Веселовского, но и отчет о раскопках курганов под Симферополем, изданный А.Х. Стевеном в Известиях Таврической ученой архивной комиссии¹², составленный весьма тщательно. О месте хранения находок известно то, что после завершения раскопок они поступили в Императорский Эрмитаж. В Симферополе, для музея Таврической ученой архивной ко-

Рис. 1.
Место расположения Симферопольского Золотого кургана.

миссии, были оставлены золотая пуговица и несколько фрагментов шита¹³.

М.И. Ростовцев, охарактеризовав Золотой курган в соответствии с материалами Н.И. Веселовского, а также каталогом вещей Г.Е. Кизерницкого, сетовал на отсутствие иллюстраций. Опубликованный отчет

А.Х. Стевена обильно проиллюстрирован материалами, сведенными в таблицы (рис. 2-4). К сожалению, из-за ошибки, произошедшей при подготовке издания, «... все изображения и предметы вышли обращенными в противоположную сторону»¹⁴. К выводам, сделанным на основе изучения плана погребения, следу-

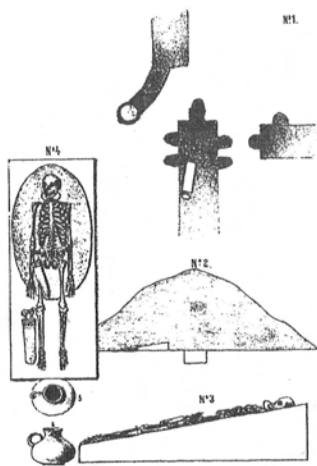

Рис.2.

Скифское погребение в Золотом кургане (по Стевену). N 1 - план кургана, N 2 - профиль кургана, NN 3 - 4 - план и профиль погребения.

ет относиться с особой осторожностью, так как в рисунке заметны явные признаки, присущие графическим реконструкциям, выполненным отнюдь не в поле. Слишком правильная анатомическая прорисовка скелета в некоторых деталях не соответствует описанию, например раздавленный череп изображен как целый (рис.2,3-4). На рисунке отсутствует изображение рукоятки меча, форма которой охарактеризована в отчете, наконечник ножен расположен слева, хотя (по описаниям) он находился справа или между бедренными костями, к тому же он нарисован без соблюдения масштаба.

Изображение металлических украшений пояса несет все признаки реконструкции (рис.2,4). Недостаточно детализированные пассажи присутствуют в тексте отчета; таковы описания «щита» и «пояса». Необходимо отметить, что версию о щите сразу же принял Н.И. Веселовский, расценивший находку как пластинчатый доспех¹⁵, к такой оценке полностью присоединился и М.И.Ростовцев¹⁶. Этого же мнения придерживались М.И.Артамонов¹⁷,

Т.Н.Троицкая¹⁸, а В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин допускали присутствие в могиле либо панциря, либо щита¹⁹. В.Ю. Мурзин, очевидно, основываясь на обстоятельном исследовании Е.В.Черненко²⁰, в одной из сравнительно недавних работ писал о щите²¹. Наличие портупейного пояса с металлическими украшениями сомнений не вызывало, однако уже М.И. Ростовцев отмечал неясность назначения золотых украшений так называемых пуговиц (рис. 4,9 11)²². Несомненно, существует вопрос об интерпретации упомянутого в отчетах «ложа», на котором покоились останки человека (рис. 2,3,4).

Исследователь кургана А.Х. Стевен писал о том, что форму погребального сооружения проследить не удалось. М.И.Ростовцев признавал, что «форма погребения остается... не вполне ясной»²³. В.А.Ильинская и А.И.Тереножкин считали отчетные материалы достаточными для реконструкции могильного сооружения в виде прямоугольной ямы²⁴.

Данные о расположении кургана можно считать достаточно общими, но не содержащими противоречий. В наиболее полном виде они приведены у А.Х.Стевена. Курган находился на землях помещика Нестроева в 5 верстах в направлении от Симферополя на Сарабуз (пгт.Гвардейское) и в одной версте от почтовой дороги на Евпаторию, на возвышенности правого берега Салгира. Единственная возвышенность, полностью отвечающая такому описанию, находится к северу от Симферополя, на территории современного поселка Молодежный (рис.1). Микропоним «Золотой курган» в это время уже использовался местными жителями. Не исключено, что он возник вследствие удачного ограбления одного из погребений, некогда находившегося в этом кургане. В 1973 г. Северо-Крымская экспедиция (исследователь В.А.Колотухин, руководитель экспедиции А.А.Щепинский) завершила раскопки Золотого кургана, разобрав остатки насыпи на снос. Были обнаружены несколько погребений эпохи бронзы. Находок скифского времени уже не было.

Сведения о размерах кургана можно получить только из отчетов прошлого столетия. Его высота, по сообщению А.Х.Стевена, составляла 4 1/2 арш. около 3,1 м. М.И.Ростовцев, со ссылкой на рукописный отчет Н.И.Веселовского, приводит иную цифру 1,78 м. Однако, описание стратиграфии кургана в статье Стевена, с указанием мощности слоев, полностью соответствует высоте в 3 м. Окружность составляла 46 сажен, или

96,12 м. Здесь данные Веселовского и Стевена совпадают; в таком случае, диаметр был несколько более 28 м. При описании стратиграфии А.Х.Стевен указывает, что подерновым слоем скрывался слой камня²⁶.

Рис.3.

Инвентарь погребения (по Стевену). N 5 - гончарный сосуд, N 6 - гривна, N 7 - нижняя обкладка ножен, N 8 - пантера - украшение горита (рисунок искажен художником)

Скорее всего, это каменная облицовка насыпи кургана. К сожалению, на рисунке Кашпара курган изображен без соблюдения масштаба (рис. 2,1 2). Методика раскопок была традиционной для своего времени. Векранные работы велись тремя небольшими траншеями с несколькими неглубокими минами²⁸. Самый большой раскоп шириной 2 1/2 сажени (5,7 м) разрезал насыпь от центра до юго-восточной поля (рис. 2,1).

В 1890 г. в кургане были обнаружены 4 погребения, 3 из них относились к эпохе бронзы²⁷. Впускная скифская могила, судя по плану кургана (рис. 2,1), находилась в нескольких метрах к ЮВ от центра на уровне поверхности материка.

Контур погребального сооружения не зафиксирован. Но в отчетах присутствует описание покатога «ложа», ориентированного с северо запада на юго восток, или с запада на восток; размером 2,59 x 0,76 м. Ориентировка погребения на плане кургана позволяет думать, что оно развернуто с запада на восток, возможно с небольшим отклонением (рис. 2.4). Перепад высот между западной и восточной оконечностями превышал 45 см; подобный наклон мало характерен для дна могил. Скорее всего, аргументом в пользу существования в могиле двух уровней служит рисунок Кашпара, на котором сосуд, найденный в могиле, изображен стоящим у восточной оконечности «ложа», несколько ниже его (рис. 2.3). Однако выше я уже писал об особенностях этого рисунка. Размеры, скорее всего, определены по доскам, которыми было покрыто «ложе». В отчете А.Х. Стевена есть прямое указание на то, что голова, грудь и таз погребенного покоились на щите овальной формы, а ноги на досках. В Степной части Скифии деревянные настилы известны в это время в Джигольских курганах, и в первой Завадской могиле²⁸; деревянные полы и настилы нередки в Лесостепи и в могильниках греческих городов Северного Причерноморья. Возвышения в могилах скифского времени зафиксированы на Среднем Дону²⁹. И все же, признавая существование грунтовой прямоугольной ямы, следует согласиться с мнением М.И.Ростовцева о том, что форма погребального сооружения остается непонятной в деталях, однако его размеры вряд ли намного превышали размеры настила, так как остальные предметы, даже косяк лошади, были обнаружены на косяке или непосредственно рядом с ним.

Скелет человека лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Для скифов ранней, средней и поздней поры вполне типична западная ориентация с некоторыми отклонениями к северу или к югу. В могиле находились: гончарный сосуд, панцирь или щит с чешуйчатой броней, остатки колчана и лежавшего там же лука, меч, пояс с бронзовым набором, шейное украшение в виде гривны. На ногах прослеживались остатки кожаной обуви, на груди найдена лопатка лошади.

Гладкая золотая гривна диаметром 17,5 см, с сужающимися закругленными концами (рис. 3.6), датирована В.Г.Петренко концом VI-V в. до н.э.³⁰ Использование шейного украшения такого типа в иранской традиции свидетельствует о высоком со-

циальном статусе человека.

По мнению А.Х.Стевена, под костяком лежал овальный, несколько вогнутый щит размером 1 арш. 12 в. рш. x 1 арш. (120 x 71 см) с покрытием из железных чешуек, густо набитых на дерево. Там же найдены остатки истлевшей одежды (?), множество кусков кожи и дерева. С железом скипелись две бронзовые пластинки, круглая диаметром 1,5 см, с отверстием посредине и продолговатая, длиной 5,6 см³¹. Из приведенного описания и противоречивых оценок находки понятно, что «щит», как таковой, расчищен не был. Выше мы отмечали, что Н.И.Веселовский изначально (на наш взгляд совершенно правомерно) почитал предмет остатками панциря.

Действительно, обилие кожи логично связать с кожаной основой панциря, а дерево считать остатками дощатого настила, находившегося ниже. Захоронения воинов на панцирном доспехе известны у собственно степных причерноморских скифов с позднейшей архаической или начала средней поры, то есть с момента их массового «археологического» появления. Таково погребение в кургане у с. Кара Кият (Фруктовое), исследованное Н.И.Веселовским и А.О.Кашпаром северо западнее Симферополя в 1895 г.,³² погребение у Вишневки в Степном Крыму³³, в Степном Причерноморье погребения в кургане №6 у Александровки («Самарский»)³⁴ и у Новой Розановки³⁵. Нередки они и в более поздних катакомбах.

Серьезные сомнения в интерпретации находки как панциря могло вызвать то, что железные пластины высотой 5 и шириной 1,7 см (точные размеры пластин 4 x 1,7 и 4 x 2,5 см³⁶), по мнению М.И. Ростовцева, были скреплены бронзовыми гвоздиками с широкими шляпками³⁷. Однако Е.В. Черненко, сторонник интерпретации находки в качестве щита, познакомившись с остатками изделия, хранящимися в Эрмитаже, обнаружил не гвозди, а небольшие бронзовые бляшки с отверстием в центре, явно декоративного назначения³⁸. В остальном, остатки чешуйчатого набора не отличаются от панцирных. Конструктивных частей, которые можно было бы однозначно рассматривать как остатки щита, в коллекции не обнаружено. Следовательно, реальным аргументом в пользу того, что в могиле находился щит, остается интерпретация А.Х.Стевена, не принятая Н.И. Веселовским, и овалный контур на плане погребения, нанесенный рукой Кашпара (рис.2,4). Единственным косвенным подтверждением

тому, что в могиле все-таки мог находиться щит, служит аналогия, приведенная А.И. Мелюковой³⁹, пишущей о том, что в 1963 г. близ Запорожья был обнаружен наборный щит, лежавший под спиной погребенного. Однако, к какому бы мнению не склонялись исследователи, следует помнить, что достоверных сведений о том, что находилось в могиле - щит, панцирь, или (что наиболее вероятно) несколько предметов с чешуйчатой броней, а не нарисованный Кашпаром неподъемный щит, - мы уже не получим.

Свидетельство о находке в погребении остатков кожаного портупейного пояса, ук-

Рис.4.

Инвентарь погребения (по Стевену). №9 - 10 - «золотые пуговицы» - украшения портупей, 11 - «золотые пуговицы» - детали крепления лопасти к ножнам, №№ 12 - 14 - бронзовые украшения пояса, №16 - бронзовая ворварка, №15 - бронзовые наконечники стрел.

рашенного бронзовыми бляшками со скобами на оборотной стороне (рис. 4.14), в определенном М.И.Ростовцевым⁴⁰ объеме принято всеми исследователями. Кожаные портупейные пояса (в том числе и пояс из Золотого кургана) подробно рассмотрены в работах Е.В.Черненко и А.И.Мелюковой⁴¹. Металлические детали пояса были обнаружены в области таза⁴². Концы пояса украшали четыре бронзовые фигурные бляхи (рис. 4, 12-13). Крайние с изображениями орлов с опущенными крыльями, у которых туловища и головы развернуты в профиль (рис. 5,1). За орлами располагались головы грифонов в профиль (рис.5,3). Аналогичные бляхи с изображением орла и грифона настолько похожие, что можно было бы предполагать изделия одного круга были найде-

Рис.5.

Инвентарь погребения (по Ильинской, Тереножкину): 1 - бронзовое украшение в виде фигурки орла, 2 - фигурка пантеры, 3 - бронзовое украшение в виде головы грифона, 4 - наконечник ножен, 5 - гончарный сосуд, 6 - штибок сережки-заушницы (по Артамонову), 7 - бронзовые наконечники стрел (по Мелюковой)

ны в Журовских курганах «Г»⁴³. Вопрос о более точной датировке журовских находок внутри хронологического отрезка, ограниченного последней третью VI-первой (или даже второй) четвертями V в. до н.э. сейчас решается в пользу более поздней даты металлических изделий по отношению к сосудам⁴⁴.

Опубликованные сосуды (самосский лёкиф и кольцевой аск) имеют широкий круг аналогий в ольвийском некрополе в комплексах, датированных последней третью концом VI в. до н.э.⁴⁵ Два других сосуда, которые могли бы уточнить хронологию курганов, известны лишь в описании⁴⁶. Следовательно, основанием для определения времени журовских бронз могут служить лишь украшения из Золотого кургана.

К этому же поясу (?) М.И. Ростовцев отнес 40 литых «пуговиц» с рельефным орнаментом (рис. 4, 14), очень похожих на украшения конской узды из кургана 499 у с. Басовка. Погребение в кургане 499 датируют первой половиной V в. до н.э.⁴⁷

В области таза были найдены несколько

бронзовых «трубочек» (рис. 4, 16). Ростовцев высказал предположение о том, что 7 гладких и шестигранных ворварок украшали конец кисти, крепившейся к эфесу меча⁴⁸. Подобное заключение интересно, но, кажется, не подтверждается аналогиями. Остановаемся подробнее на находках. Из публикации Stevens известно, что несколько ворварок обнаружены в области таза; число их не указано. При описании колчана упоминается пять бронзовых «трубочек», лежавших вместе со стрелами; у Ростовцева эта деталь не отмечена. Исследователь, пользовавшийся каталогом Г.Е. Кизерниченко⁴⁹, скорее всего, указал общее количество находок. В протоколе заседания ТУАК, зафиксировавшем поступление вещей в музей Таврической ученой архивной комиссии, ворварки не упомянуты⁵⁰, следовательно все они поступили в Эрмитаж. Если это так, то лишь 2 ворварки были найдены в области таза, они могли находиться на ремнях или ремне, служившем для соединения концов пояса. Впрочем, круг их применения окажется значительно шире в том случае, если в могиле дей-

ствительно находился наборной доспех.

Одним из наиболее сложных для интерпретации предметов является меч в кожаных (?) ножнах, украшенных золотым наконечником (рис.3,7; 5,4), названный небольшим железным акинаком (?). По описанию Стенена, он находился между бедренными костюми⁶¹. Однако, по отчету Веселовского, меч располагался с правой стороны⁶², а на рисунке Кашпара наконечник ножен изображен слева, без масштаба и, несомненно, выше, чем следует из описания (рис.2,4).

Анализ изображений мечей на скифских изваяниях, проведенный В.С.Ольховским, свидетельствует о том, что в конце VI и в V вв. до н.э. мечи, как правило, крепились к поясу спереди, а рукоять была развернута вправо⁶³, таким и был способ подвески меча в Золотом кургане. Предположение о точности рисунка Кашпара, которое могло бы свидетельствовать в пользу ритуального трагизма в погребальном обряде, или ношения меча на перевязи, представляется наименее вероятным.

Размеры полностью железного меча, распавшегося на куски, в отчетах не указаны; форма перекрестия не определена. О форме навершия можно судить по сообщению В.Ю.Мурзина: «Навершие акинака состоит из двух близко сходящихся волют, образуя как бы кольцо»⁶⁴. Подобно описанию отвечает форма навершия меча из кургана 401 у Журовки (погребение датируется рубежом первой второй, второй четвертью V в. до н.э.⁶⁵) и изображение наверший меча и кинжала на Медеровском изваянии, относящиеся к концу VI или первой трети V в. до н.э.⁶⁶ О форме рукояти известно лишь то, что она, предположительно, была охвачена железными кольцами⁶⁷. Насколько далеко простирается реконструкция авторов отчета в этом случае, сказать трудно, однако горизонтальное рифление на краях рукоятей можно наблюдать на близких по времени скифских мечах из кургана Шумейко, кургана 2 у Райгорода, кургана 401 у Журовки, изображении мечей на Кировоградском изваянии второй половины VI-начала V в. до н.э., Калининском изваянии V в. до н.э.⁶⁸ и на более поздних скифских мечах.

Размеры кожаных, а скорее всего, конструктивно более сложных ножен, не зафиксированы. Нижняя их часть была украшена золотой пластиной 18,8 x 5,8 см⁶⁹ (рис.3,7; 5,4), со скругленным нижним концом и загнутым краем, пришитым к основе⁶⁹. Верхний край пластины украшен 4 ря-

дами золотой проволоки с внутренней разделкой под веревочный орнамент. Ниже пяти миндалевидных проволочных гнезд для эмали, под каждым из них припаян небольшой золотой шарик. Как пишет М.И. Ростовцев: «Овал оборота загнутую бляхи был заполнен припаянным куском золотой бляхи в виде полумесяца»⁶⁴. Очевидно, наконечник заковывался так же, как и наконечник из кургана N 6 у Александровки. Эта же деталь позволяет провести параллель с Острой Томаковской могилкой, в которой найдена золотая лунница, декорированная треугольниками из зерни⁶², и с литевой формой второй половины VI-начала V в. для отливки различных предметов (в том числе и лунниц), происходящей с Березани⁶⁹. Ножны с такой же орнаментацией наконечников происходят из Острой Томаковской могилы и шестого кургана у Александровки⁶⁴. Они относятся к типу изделий, особенности которых хорошо видны на вотивном акинаке из Меджиджи⁶⁶. Ножны мечей из Петерсфельде-Виташкова и кургана у хут. Шумейко можно отнести к близкому, но иному типу. По давно устоявшемуся мнению исследователей, это произведения греческой торевтики ольвийской, пантикапейской или ионийской⁶⁶. Последнее определение может иметь самый широкий смысл.

Ближайшей параллелью ножнам из Золотого кургана могут служить ножны из кургана N 6 у Александровки, наконечник которых отличается иным характером заковывки, несколько большим размером и числом напаянных под гнездами шариков. Верхняя часть не имела (или ко времени помещения меча в могилу уже не имела) золотой обкладки. К ней крепились лопасть, декорированная золотой пластиной с изображением вепря. Этот сюжет имеет широкий круг аналогий в Причерноморье и известен на Ближнем Востоке⁶⁷.

Для дальнейшей интерпретации ряда находок из Золотого кургана важно описание способа крепления лопасти к ножнам из Александровского кургана. «Вдоль нижнего прямого края пластины пробито 21 сквозное отверстие, служившее для соединения с основной ножен. Для этой цели предназначались золотые полусферические бляхи диаметром 0,4 см с напаянной петлей на внутренней стороне»⁶⁸. Аналогичные следы крепления лопасти можно видеть на ножнах из Острой Томаковской могилы⁶⁹. Так же крепились лопасти очевидно более поздних мечей из первого и шестнадцатого курганов, раскопанных в начале XX столетия у Елизаветинской станции⁷⁰. М.И.Рос-

товцев вполне определенно отделил от украшений собственно пояса следующие предметы, найденные в области таза: две круглые золотые пуговицы со скобами, диаметром 15 мм (рис. 4,9,10), 25 маленьких золотых пуговиц со скобами, диаметром 5 мм (рис. 4,11). Впрочем, как сообщает Стевен, их обнаружили при просеивании земли⁷¹. На костяке (в области таза) нашли и золотую пуговицу со скобой диаметром 25 мм, щиток которой был украшен треугольниками из филигрны (рис. 4,9), 25 малых «пуговиц» (на основании аналогий, приведенных выше) служили для крепления лопасти к ножнам. Ее металлическая бляха, скорее всего, была утрачена еще в древности. Параллельно возникает вопрос, а не было ли первоначально у ножен верхней золотой обкладки, совершенно естественной при подобном способе соединения ножен и лопасти? «Пуговицы» диаметром 15 мм, по форме и размеру не отличаются от круглой золотой бляхи, найденной рядом с мечом в тайнике Александровского кургана; тут же находилась рельефная золотая бляха с зооморфным мотивом, названная исследователями «скарбаем»⁷². Можно думать, что такие бляхи использовали для портупейных креплений мечей к поясу. Видимо, этой же цели служила и третья, орнаментированная пуговица. Она оригинальна, на первый взгляд, но в сущности не столь уж сложна в интерпретации (рис. 5,6). Это округло-выпуклый щиток серги-заушницы, аналогичной найденным в Емчине и в Ольвии; может быть отнесен к кругу украшений ионийского или ольвийского производства⁷³. Комплексы ольвийского некрополя с такими сергами датируются третьей и последней четвертями VI в. до н.э. и неизменно позднее конца VI-начала V в. до н.э.⁷⁴ Скорее всего, в число украшений меча этот щиток попал при одном из вполне вероятных ремонтов. В силу сказанного, дату меча не следует чрезмерно строго увязывать с датировкой серег ольвийского типа.

Остатки деревянного, обтянутого кожей «колчана», содержавшего по данным Веселовского 180, а по Стевену около 200 разнообразных (рис. 4,15) наконечников стрел, найдены слева от костяка на уровне берцовых костей. Пять ворварок высотой 3 см, находились вместе со стрелами и могли размещаться на концах ременных частей налужья. Его вполне убедительная реконструкция предложена Е.В. Черненко: «Слева от погребенного лежал «колчан», покрытый серебряной пластиной (рис. 2,4). Судя по его рисунку на плане погребения, он имел вытянутую форму, слегка расширяясь вверху и

сужаясь книзу. Вдоль верхнего края пластина была украшена четырьмя овалами. Судя по масштабу (выше я уже писал о «масштабности» рисунка *Кашпара С.К.*), пластина имела длину 40 см, ширину до 15 см. Над пластиной лежала бронзовая рельефная фигурка хищника (львицы?) со скульптурной головой, повернутой в фас (рис. 5,2)... Очевидно, в этом кургане был горит, а не лук с колчаном, и серебряная пластина покрывала только ту часть, где помещались стрелы»⁷⁵. В основе реконструкции Е.В. Черненко лежат отчет Н.И. Веселовского и рисунок А.О. Кашпара. Однако А.Х. Стевен описывает предмет несколько иначе. Судя по некоторым деталям, это описание основано на личных впечатлениях, возникших в процессе расчистки:

«Далее, от левого колена и до стопы находился колчан со стрелами; верхняя часть колчана была украшена... фигурой львицы (рис. 2,8)... с такими же украшениями, как и на ножнах. Колчан был, очевидно, деревянный, обтянутый кожей (остатки того и другого явственно сохранились) и был наполнен стрелами числом до 200, разнообразных форм и величин, с дровками, которые однакоже от прикосновения распались, а сохранились лишь небольшие кусочки, на которые надеты были наконечники стрел из меди». И лишь затем, после описания щита, сообщает: «Кроме того... оказалась масса ислетшей одежды, и на ней попала тонкая серебряная бляха, множество кусков ислетшей кожи и дерева»⁷⁶. Не столь однозначно и описание колчана у М.И. Ростовцева: «...колчан был деревянный, может быть, обтянутый серебряным листом, куски которого были найдены с 180 наконечниками стрел»⁷⁷. В этой ситуации, реконструкцию Е.В. Черненко следует признать наиболее вероятной, а в плане определения находки как горита очевидно бесспорной. Однако достоверность ее деталей может подтвердить лишь изучение остатков серебряной пластины, если они сохранились.

Выше предполагаемой пластины лежала литая бронзовая фигурка «львицы», длиной 8,8 см, с плоским рельефным туловищем в профиль и объемной головой, повернутой в фас (рис. 5,2). На обороте находилась скоба⁷⁸. Туловище обернуто золотым листом с напаянными на него миццалевидными провололочными гнездами для цветной эмали. По краям этот участок был описан первитыми провололочками. Бронзовые бляхи, сочетающие объем и низкий рельеф, хорошо известны в скифских памятниках лесостепи первой половины V в. до н.э. Та-

ковы фигурки кошачьих хищников на украшениях конского убора из кургана 401 у Журовки, обтянутая золотым листом фигурка быка из Золотоношского уезда Полтавской губернии, ранее, очевидно, ошибочно включавшаяся в комплекс вещей из кургана Шумейко⁷⁹. Причины ошибки убедительно раскрыл А.Ю.Алексеев⁸⁰.

Безусловно, ближайшей аналогией пантере из Золотого кургана следует считать изображение этого же хищника на пластине из Журовских курганов «Г». Но этот предмет может быть датирован только на основе даты пантеры Золотого кургана. Близкой композиционной аналогией изображениям из Журовки и Золотого кургана может послужить более грубое, но принципиально такое же изображение кошачьего хищника на бронзовом налобнике из Макеевского кургана 491⁸¹. Чрезвычайно важно то, что комплекс погребения содержит разнообразную и хорошо датруемую античную посуду. Второй налобник из этого же комплекса объемная передняя часть фигурки кошачьего хищника в фас выполнен так же, как и передняя часть пантеры из Золотого кургана. Макеевское погребение датировано первой половиной V в. до н.э. Однако такая хронология представляется нам неоправданно расширенной.

Самосский лексиф относится к концу VI рубежу VI-V вв. до н.э.⁸², аттическая чернолаковая чашка к рубежу столетий или к началу V в. до н.э.⁸³ Близким временем, судя по расписной посуде из коллекции Государственного Эрмитажа⁸⁴, может быть датирован чернофигурный скифос с изображениями Диониса, Ариадны и сатиров, отнесенный Н.А.Онайко к кругу мастера Тезея начала V в. до н.э.⁸⁵ Произведения мастера Тезея Дж. Бордман датирует концом VI в. 480 г. до н.э., однако, рисунок на сосуде, по мнению И.И.Вдовиченко, ближе группе Крокотос, относимой Бордманом к концу VI в. до н.э.⁸⁶ Присутствие в этом же комплексе бляхи с изображением свернувшегося хищника, выполненной в стиле украшений из Басовского кургана 499, позволяет связать появление бронзовых блях данного типа в Северное Причерноморье со временем не позднее первой четверти V в. до н.э. Бляхи из погребений в кургане N 6 у Ковалевки и кургана Ю.А. Кулаковского в Крыму⁸⁷ представляются мне более поздними, относящимися ко второй четверти середине V в. работами греческих мастеров.

Исучив стилистические особенности

фигурки пантеры из Золотого кургана, В.А. Ильинская посчитала ее изделием греческого мастера⁸⁸, с чем следует полностью согласиться. Изображение «попыны» на туловище пантеры позволяет указать предположение о том, что мастер мог рассматривать этот образ как аналог известной пантере Дионисийского цикла.

А.И. Мелюкова классифицировала 139 из 200-180 бронзовых наконечников стрел из Золотого кургана (рис. 5,7) и отнесла их ко второй хронологической группе стрел (VI-V вв. до н.э.)⁸⁹. 5 наконечников типа 6.4 двухлопастные, ромбовидные в сечении с внутренней вулкой (рис. 5,7,11). Аналогичные наконечники найдены в могиле 66 ольвийского некрополя, исследованной в 1911 г. Могилы с близкими номерами, вероятно, находившиеся на этом же участке, датируются концом VI-началом V в. до н.э.⁹⁰ Наконечник стрелы типа 3.7 отнесен ко второй хронологической группе скифских стрел.

Наконечник стрелы типа 4.1 рассмотрен в числе стрел, появляющихся в конце VI в. до н.э. и широко распространенных в середине второй половине V в. до н.э. и позднее.

Сто девятнадцать наконечников принадлежат к типу 1-2,6, господствующему во второй хронологической группе, двенадцать стрел относится к типу базисных башнеобразных (тип 9.3), датируемых этим же временем. Близкие по пропорциям стрелы известны в колчанном наборе скифского погребения из кургана N6 у Александровки⁹¹, которое авторы раскопок склонны датировать концом VI в. до н.э.

Один наконечник включен в тип 10.2 (рис. 5,7,9). Такие стрелы редки в колчаных наборах и в значительном количестве встречены лишь в Марицциском (Адзигольском) кургане 1 G второй четверти V в. до н.э. и в кургане у Жовино. Подобный наконечник известен в погребении из Днепорудного⁹², которое на основании датировки аттической чернолаковой чашечки 480 г. до н.э.⁹³ можно отнести к концу первой второй четверти V в. до н.э.

В свое время В.А. Колотухин указал автору на отсутствие в колчанном наборе стрел архаического типа, что может свидетельствовать в пользу его заметного омоложения. Однако судя по стрелам из курганов у Александровки и Вишневки, в них практически нет собственно архаических наконечников. Следует согласиться с А.Ю. Алексеевым перед нами новые виды колчаных наборов, появляющиеся в степи в конце VI или

начале V вв.⁹⁴. С другой стороны, из 200-180 стрел, находящихся в горите, А.И.Медлюковой удалось классифицировать только 139. Среди остальных 40-60 стрел могли быть самые разнообразные типы.

В ногах, вне деревянного настила и, судя по рисунку Кашпара, несколько ниже его, стоял красноглиняный сосуд высотой 25 см (рис. 3,5) с округлым туловом на кольцевым поддоне и одной ручкой, прикрепленной к плечу. По мнению Ростовцева, сосуд по форме близок позднесамосским ойнохоям⁹⁵. В.А.Ильинская и А.И.Тереножкин, приведя другой рисунок сосуда (отличающийся в деталях (рис. 5,5), определили его как позднесамосский кувшин конца VI-начала V в. до н.э.⁹⁶ А.Ю.Алексеев, неоднократно затрагивавший в своих работах, посвященных памятникам V в., Золотой курган и датирующий его в настоящее время в рамках первой половины V в. до н.э., своего мнения по поводу сосуда не высказал.

Судя по приведенным аналогиям, комплекс вещей в погребении Золотого кургана имеет достаточно широкие хронологические рамки. Ножи, мечи, скорее всего, неоднократно подвергавшиеся ремонту, возможно, относятся еще к VI в. до н.э. Сам меч (изделие, скорее всего, более позднее) относится к концу VI-первой половине V в. до н.э. В рамках конца VI-первой половины V в. может быть датирован набор стрел и бронзовые ворварки. Украшение горита (пантера) датируется, очевидно, концом VI-первой четверти V в. до н.э., сосуд рубежом VI-V вв. до н.э. Наиболее предпочтительной датой самого погребения представляется первая четверть V в. до н.э. Значительное омоложение или удешевление комплекса выглядит мало вероятным.

Круг близких по обряду степных захоронений тяжело вооруженных воинов конца VI-первой половины V в. до н.э. определен С.И.Андрух⁹⁷. Это погребения в курганах у Новорозановки и Александровки (Самарский) и погребение в кургане у с. Вишневка в Степном Крыму. Очевидно, к этой же группе относится не только разграбленное погребение в Острой Томаковской могиле, а возможно и несколько других, менее ярких погребений (к сожалению, разграбленных). В Крыму к памятникам этого круга можно отнести и погребение 3 в кургане I (Кара Киятском) на землях Талаевой близ Симферополя, исследованное Н.И.Веселовским в 1895 г. Количество таких захоронений увеличивается во второй половине-конце V в. до н.э.

Вишневское погребение датировано С.И.

Андрух рубежом VI-V - первой половиной V в. до н.э.⁹⁸ Набор стрел выглядит столь же ранним, как и в Дзюбиной могиле или шестом Александровском кургане⁹⁹, что позволяет предположить датировку, близкую первой четверти V в. до н.э. Погребение в кургане на землях Талаевой¹⁰⁰, судя по наличию стрел и лепному орнаментированному сосуду¹⁰¹, относится к первой половине V в. до н.э.

Захоронение у Вишневки было совершено в северной поле кургана эпохи бронзы, в узкой овальной могильной яме длиной не менее 2 м и шириной до 0,8 м. Скелет лежал головой на запад на развернутой чешуйчатой броне. В защитный комплект входили панцирь, набеденники, наголенники. Наступательное оружие было представлено тяжелым копьем, акинаком с ножами, украшенными тремя золотыми розетками, луком и стрелами, находившимися в горите. К гориту крепилось конусовидное золотое украшение на железной основе.

Погребение в кургане 1895 г. на землях Талаевой совершено в северной части насыпи в могиле размером 2,1 x 1,1 м. Скелет лежал на наборном панцире в вытянутом положении на спине, головой на запад. Среди находок следует отметить меч, длиной 1 арш. (около 70 см), положенный поперек ног, остатки колчана с 33 наконечниками стрел у левой ноги, две ворварки, бронзовое украшение и бронзовую пряжку(?), железный нож, чернолощенный лентный кубок с врезным орнаментом.

Судить о погребальном обряде ограбленных захоронений в Дзюбиной и Острой Томаковской могиле не приходится. Ардизский курган выделяется захоронением коня, подобного не прослежено в других, неогранных могилах, однако памятник вполне справедливо отнесен к более поздней хронологической группе¹⁰². В остальном это погребение воина почти того же типа, что и в Вишневке, Александровке, Золотом кургане и Кара-Киятском кургане. Последние захоронения представляются нам наиболее близкими по обряду. Во-первых, все они вписаны в полы уже существовавших курганов; очевидно, какие-то причины «идеологического» или практического характера не позволили совершить погребения в сакральном ядре, центре кургана. Во всех случаях близки размеры и ориентация могил. В Золотом кургане и в кургане у Александровки засвидетельствовано использование дерева. Тела умерших покоились на развернутом доспехе. В Александровке и Вишневке тип доспеха практически совпадает. По нашему мнению, доспех из Золотого

кургана также мог состоять из нескольких предметов.

Существенное отличие заключено в гривне, свидетельствующей об особом статусе тяжелооруженного всадника из Золотого кургана. Строгую и сложную социальную иерархию скифского общества следует считать доказанным фактом. В последнее время в литературе о скифских древностях стала вполне корректной ссылка на Ксенофонта, перечислившего инсигнии военной административной власти в персидской державе конца V в. до н.э. Артапат, один из скипетроносцев Кира, обладал золотым акинаком, гривной, браслетами и рядом других украшений.

Сненесий (царь киликийцев) получил от Кира в качестве дара коня с золотой уздой, гривну, браслет и золотой акинак. В Золотом кургане (в силу специфики условий и особенностей скифского погребального обряда) присутствуют два предмета из этого перечня меч и гривна. В материковой степи эти же изделия обнаружены в комплексе вещей из Острой Томаковской могилы¹⁰³. На особую близость захоронений из Симферопольского и Томаковского курганов указывали В.А.Ильинская и А.И.Тереножкин¹⁰⁴. Могила в Томаковском кургане была найдена при случайных обстоятельствах, уже после завершения раскопок, в неисследованной, очевидно периферийной, части кургана. Среди уцелевших золотых изделий: гривна, обкладки рукояти и ножен меча, конус, лунница с зернью и эмалью. Конус, как правило, служил украшением горита. В Золотом кургане вместо конуса лежал иной предмет такого же назначения фигурка пантеры. Следовательно, комплексы престиж-

ных вещей из Золотого и Острога Томаковского курганов практически совпадают и свидетельствуют об очень высоком социальном положении похороненных в них предводителей военных формирований Степной Скифии периода формирования скифского этноса¹⁰⁵. Вероятно эти вожди стояли на главе крупных военных отрядов скифских орд, заселивших где-то у рубежа VI-V вв. степные пространства Северного Причерноморья. Судя по тому, как последовательно А.Ю. Алексеев стремится довести нижнюю хронологическую границу первой группы скифских древностей классического периода до 515 г. (наиболее вероятного времени похода Дария и совершенно обоснованно видя в нем один из рубежей скифской истории), процесс создания Скифии с центром в Северном Причерноморской степи мог начаться незадолго до персидского вторжения или (что более вероятно, исходя из археологического контекста) вскоре после него. Новые типы вещей позволяют увидеть ряд параллелей с древностями восточных пространств Евразии¹⁰⁶. Однако основываясь на «эллинизированных» материалах Золотого кургана, не представляется возможным отвечать на основной вопрос каким было начало этого процесса. Можно лишь утверждать, что конец VI-первая четверть V в. до н.э. тот рубеж, с которого новая Скифия, описанная (?) спустя несколько десятилетий Геродотом, становится объектом археологического исследования. Появление в это время одного из скифских отрядов в Крыму свидетельствует о том, что степные кочевники могли оказывать (и несомненно оказывали) самое серьезное влияние на жизнь ранних греческих апорий не только в восточной, но и в западной части полуострова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ОАК, 1890. С.4-5.
2. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 397-400, 410-412.
3. Сошлюсь лишь на основные работы, дающие некоторые дополнительные характеристики к отчетному материалу, или нетрадиционную интерпретацию отдельных находок: Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага Ленинград, 1966. С.29-30; Граков Б.Н. Скифия. М., 1971. С.73. К этой же традиции следует отнести и мнение Г.Н.Курочкина, рассматривавшего погребение в Золотом кургане как типичное для скифской знати «средней руки»: Курочкин Г.Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII-VII вв. до н.э. и курган Арджан// Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 110.
4. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. К., 1983. С.109. Близкую оценку Золотого кургана можно найти и у Б.Н. Мозолевского. См.: Мозолевский Б.Н. К вопросу о скифском Герросе // СА. 1986. N 2. Однако относил могилу к числу погребений скифской аристократии, исследователь не делает акцент на сходстве погребального инвентаря Острой Томаковки и Золотого кургана.
5. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. Вып. 31. Л., 1991; Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII-IV вв. до н.э.:

- историко-археологический очерк). СПб. 1992.
6. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография... С.44-51.
 7. Алексеев А.Ю. Ук. соч. Рис. 2,14.
 8. Стевен А.Х. Раскопка курганов близ Симферополя летом 1890 года. ИТУАК, в. 11. Симферополь, 1891; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 397-400; Черненко Е.В. Скифский доспех. К., 1968. С.105-106; Праков Б.Н. Скифы. М., 1971. С.73; Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. С. 109; Мурзин В.Ю. Скифская арханка Северного Причерноморья. К., 1994. С.37.
 9. Автор сознает слабые стороны своей статьи. Безусловно, работу по скифским древностям Крыма, обнаруженным в XIX веке, более уместно подготовить в Санкт-Петербурге на основе коллекции, хранящихся в Государственном Эрмитаже, может быть в форме свода археологических источников на материалах, происходящих из курганов, расположенных в Пантикапейском и Нимфейском некрополях, в Предгорном и Степном Крыму. К сожалению, такого исследования нет.
 10. Стевен А.Х. Раскопка курганов близ Симферополя. С. 47 сл.
 11. Стевен А.Х. Ук. соч. С.47; Маркевич А.И. Памяти Александра Христиановича Стевена // ИТУАК. N 45. Симферополь, 1911. С.23.
 12. Стевен А.Х. Ук.соч. С.147-149.
 13. Протокол заседания ТУАК от 5 сентября 1890 г.// ИТУАК. в. 11. 1891. С. 159.
 14. Стевен А.Х. Ук.соч. С.148.
 15. ОАК, 1890. С.4-5.
 16. Ростовцев М.И. Ук.соч. С. 397.
 17. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. С.30.
 18. Троицкая Т.Н. Скифские курганы Крыма // ИКОГО. Вып. 1. 1951. С.90.
 19. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв.до н.э. С. 109.
 20. Черненко Е.В. Скифский доспех. С. 105.
 21. Мурзин В.Ю. Скифская арханка... С.37.
 22. Ростовцев М.И. Ук.соч. С.398.
 23. Стевен А.Х. Ук.соч. С.148; Ростовцев М.И. Ук.соч. С.397.
 24. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Ук.соч. С. 109.
 25. Стевен А.Х. Ук.соч. С.147.
 26. Стевен А.Х. Ук.соч. С.147.
 27. Ростовцев М.И. Ук.соч. С.397.
 28. Яценко И.В. Скифия VII-V вв. до н.э. М., 1959. С.78;
 29. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Д1-31. 1965. С.13. Чрезвычайно показательной и важной для этно-культурной интерпретации памятника может оказаться параллель с возвышениями, нередко покрытыми деревом, в погребальных сооружениях Уйтаракского могильника азиатских саков VII-V вв. до н.э. Столь же интересны найденные там же, в комплексе VI в.до н.э., пряжки в виде свернувшихся хищников, расположенные в хронологическом поле между Арджаном и Макевским курганом N 491. Среди украшений конской упряжи из этого могильника есть композиционная и стилистическая параллель известному хищнику из Журовки, лежащему на подковоидном предмете. См. Вишневакая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв.до н.э. М., 1973. Не менее интересны канавки вдоль коротких стен некоторых могил, зафиксированные в архаическом некрополе Ольвии. См.: Скудниова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С.9.
 30. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4-5. 1978. С. 44.
 31. Стевен А.Х. Ук.соч. С.148; Ростовцев М.И. Ук.соч. С.397.
 32. ОАК, 1895. С. 14; Кашпар А.О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н.И.Веселовским в 1895 г.// ИТУАК. N 24. С.144.
 33. Андрух С.И. Погребение раннескифского воина в Привышье // СА. 1988. N 1.
 34. Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Скифское погребение конца VI-V вв. до н.э. у с.Александровка / Древности Степной Скифии. К., 1982.
 35. Шалопникова О.Г. Погребение скифского воина на р. Ингул // СА. 1970. N 3.
 36. Черненко Е.В. Ук.соч. С. 105.
 37. Ростовцев М.И. Ук.соч. С. 107.
 38. Черненко Е.В. Ук.соч. С. 106.
 39. Мелокова А.И. Вооружение скифов // САИ. Д1-4. 1964. С.78.
 40. Ростовцев М.И. Ук.соч. С. 397-398.

41. Черненко Е.В. Скифські бойові пояси // Археологія. Т.ХVI. 1964; Черненко Е.В. Скифський доспех; Мелокова А.И. Вооружение скифов.
42. Стевен А.Х. Ук.соч. С.149.
43. В.А. Ильянская, А.И.Тереножкин. Ук.соч. Рис. на с.256-257.
44. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в.до н.э. Рис. 2,2.
45. ИАК. Вып. 14. 1905. Рис. 61, 62; Скуднова В.М. Арханский некрополь Ольвии. Л., 1988. Кат. 112, 252, 106, 162, 225, 226, 230.
46. ИАК. Вып. 14. С. 26-27.
47. Ильянская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. К., 1968. С.78; Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. САИ. Д1-33. 1977. Табл. 26,16.
48. Ростовцев М.И. Ук.соч. С.398.
49. Ростовцев М.И. Ук.соч. С.397.
50. Протокол заседания ТЗАК от 5 сентября 1890 г.
51. Стевен А.Х. Ук.соч. С. 149. Мы воспроизводим план погребения по А.Х.Стевену без изменений и без учета ошибки, требующей его разворота на 180 градусов по вертикальной оси.
52. Ростовцев М.И. Ук.соч. С.398.
53. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-V в.в. до н.э. М., 1994. С. 73.
54. Мураши В.Ю. Скифская арханка... С.37.
55. Мелокова А.И. Вооружение скифов. Табл.20,14;
56. Ольховский В.С. Евдокимов Г.Л. Ук.соч. Кат.76, 77.
57. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 398.
58. Мелокова А.И. Ук.соч. Табл. 15,3,6; 20,14 ; Ольховский В.С. Евдокимов Г.Л. Ук.соч. Кат. 26.
59. Артамонов М.И. Ук.соч. С. 94, N23.
60. Ростовцев М.И. Ук.соч. С. 398.
61. Ростовцев М.И. Ук.соч. С. 398.
62. В.А.Ильянская, А.И.Тереножкин. Ук.соч. С. 98; Артамонов М.И. Ук.соч. Рис.19.
63. Островерхов А.С. Звериный стиль и античные города Северного Причерноморья // ВДИ. 1996. N 2.
64. Мелокова А.И. Ук.соч. Табл. 19,5; Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Ук.соч. Рис.3,1.
65. Мелокова А.И. Ук.соч. Рис. 2,2.
66. Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V веках до н.э.// САИ. Д1-27. 1966. С.20-21, 30-31. В этой работе соображения о месте производства таких вещей изложены в наиболее развернутой, но отнюдь не бесспорной форме. В пользу персидско-ионийских параллелей для Фетерсфельде может свидетельствовать не только декор меча, но и наблюдения С.А.Скорого и Е.В.Черненко над конструктивными особенностями бронзовых мечей из Фракии. См.: Черненко Е.В. Скифо-Персидская воина.К., 1984. С. 59. Для мечей из кургана Шумейко и Острой Томаковой могилы является совершенно несомненным стилистическое единство в архаичном изображении животных на верхней части обкладки ножен, что позволяет считать эти предметы относящимися к одному кругу в том смысле, в котором такое определение применяют для античной расписной керамики. Например, в ином, хотя и близком («пантикапейском») стиле выполнены золотые ножины из Елизаветовских курганов.
67. Переводчикова Е.В. Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле // КСИА. Вып. 186. 1986. С.12 и сл.
68. Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Ук.соч. С.98.
69. Артамонов М.И. Ук.соч. Табл.65-66.
70. Артамонов М.И. Ук.соч. Табл.324,329.
71. Стевен А.Х. Ук.соч. С.148-149.
72. Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Ук.соч. С.99.
73. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III в.в. до н.э.//САИ. Д 4-5.1978. С. 24-26.
74. Скуднова В.М. Арханский некрополь Ольвии. Л., 1988. Кат. NN 122,170, 172, 232, 234. На щитке из Золотого кургана в альбоме Артамонова видно отверстие, расположенное в центре (рис.22), вероятно служившее для крепления львиной головки или дужки. Сам щиток сношен, зерьн затерта, что могло произойти только при использовании его в качестве украшения меча.
75. Черненко Е.В. Скифские лучники. К., 1981. С. 48-49.
76. Стевен А.Х. Ук.соч. С. 149.

77. Ростовцев М.И. Ук. соч. с. 399.
78. Артамонов М.И. Ук. соч. С.105, N75. У Стевена 12 см длины, 9 высоты. См. Стевен А.Х. Ук. соч. С.149.
79. Ильская В.А. Тереножкин А.И. Ук.соч. Рис. на стр.254,257,322; Артамонов М.И. Ук.соч. Рис.30.
80. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография... С. 49.
81. Галанна Л.К. Скифские древности Подднпровья // САИ. Д1-33.1977. С.29, Табл. 13,2,3.
82. Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднпровья в V-III вв.до н.э. САИ. Д1-4. 1967. С.93.
83. Sparkes V., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C.// The Athenian Agora. Vol.XII. 1970. Cat.976.
84. Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. Кат. 118-119.
85. Онайко Н.А. Ук.соч.С.27.
86. Boardman J. Athenian Black Figure Vases. New York, 1988. Chronological chart. P.234, P.108.
87. Галанна Л.К. Ук.соч. Табл. 26,20-23; Мурзин В.Ю. Ук.соч. Рис.24; Артамонов М.И. Ук. соч. Табл.78.
88. Ильская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. N2. С. 79.
89. Мелокова А.И. Ук.соч. Табл.П,32.
90. Скуднива В.М. Ук.соч. Кат. 116.
91. Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Ук.соч. Рис. 4.
92. Мурзин В.Ю. Ук. соч. Рис. 18.
93. Sparkes V., Talcott L. Op.cit. Kat. 975, 984.
94. Алексеев А.Ю. Скифская хроника.С. 106 и сл.
95. Ростовцев М.И. Ук.соч. С. 399.
96. Ильская В.А., Тереножкин А.И. Ук.соч. С.109, Рис. на стр. 103.
97. Андрух С.И. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. 1988. 1.С. 169.
98. Андрух С.И. Ук.соч. С. 169.
99. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография... Рис.1; Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Ук.соч. Рис. 4.
100. ОАК, 1895. С. 14; Кашпар А.О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н.И.Веселовским в 1895 г.// ИТУАК. 24. 1896. С.146; Троицкая Т.Н. Скифские курганы Крыма. ИКОГО. 1. 1951. С. 91.
101. Мелокова А.И. Ук.соч. Табл.8,И; Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.,1991. Рис. 8,1.
102. Алексеева И.А., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифское погребение у г.Арциз // Чобруцкий археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. IV в.н.э.). Тирасполь. 1997.
103. Ильская В.А., Тереножкин А.И. Ук.соч. С.109.
104. Ильская В.А., Тереножкин А.И. Ук.соч.С.109.
105. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. К., 1990. С. 78.
106. Алексеев А.Ю. Скифская хроника. С. 108-113.